

ЯПОНИЯ БЕЗ МАКИЯЖА*

Название этой книги может легко ввести читателя в заблуждение. Однако оно вполне естественно с точки зрения очень распространённой во Франции теории методологии и методики исторических исследований «школы Анналов», которая под «повседневной жизнью» понимает очень широкий круг общественных явлений, выходящих за смысловые рамки этого весьма скромного словосочетания. Жаль только, что рецензируемая монография переведена на русский язык и издана спустя 23 года после выхода её в свет на языке оригинала. Она свидетельствует, что и в современной Франции, которая не входит в число лидеров мирового японоведения, есть исследования весьма высокого класса о Японии и жизни её народа.

В самом начале рецензии нарушим общепринятый порядок написания произведений подобного жанра и скажем не о достоинствах рецензируемого труда, а о его недостатках. В книге много неточностей фактографического порядка, относящихся к периоду, который выходит за хронологические рамки основной темы. Перечислять их нет смысла, это бы заняло слишком много места, тем более, что они наносят минимальный ущерб качеству монографии. Другой недостаток книги на совести её переводчика, который, переводя с французского, не сопоставил названия имён собственных с их звучанием на языке оригинала, отчего некоторые из них искажены до неузнаваемости (Сонан вместо Сёнан, Сосан вместо Сёдзан и т.п.).

Главной заслугой Луи Фредерика является то, что он сумел в значительной степени снять толстый слой макияжа, которым страдает образ Японии в сознании иностранцев, начиная с работ недоброй памяти Пьера Лоти, создавшего трудно вытесняемый штамп экзотической Японии — страны гейш, самураев, хризантем и чайной церемонии. Отечественное японоведение не является в данном случае исключением.

Автору рецензируемого исследования особенно удался раздел «Японская семья» (с. 114—126). Он просто великолепен. Не откажем себе в удовольствии процитировать главный тезис: «Существует по меньшей мере три концепции семьи, в соответствии с которыми человек принадлежит к сельской общине, к городской общине, к придворной знати или к военному сословию. Та, которая имеет с нашим, то есть европейским, представлением о семье больше всего соприкосновения, была принята среди придворной знати и глав кланов. Представители придворной знати (*кугэ*) практически все являлись предполагаемыми потомками одного императора: либо прямыми, либо принадлежащими к боковым ветвям генеалогического древа». И далее: «Представители данного рода изначально были, вероятно, жителями одной и той же деревни и выполняли коллективную работу. Позднее их владения покрывали целое княжество, на первое место выходила община самураев, и понятие рода менялось. Жители одной деревни не обязательно принадлежали по рождению к одному клану, в него могли вступать члены другого, а такая смена рода стала обычным делом». И последняя часть генерального тезиса: «Итак, крестьянская община включала в себя не только кровных родственников, но и тех, кто занимался одной и той же работой» (С. 115).

Приведём ещё одно важное обобщение из данного раздела: «...Эпоха Мэйдзи не изобретала новых имён — патронимов, но пользовалась большим числом уже существовавших, обозначавших более или менее важные социальные группы людей, что прекрасно иллюстрирует чувство, которое испытывают японцы,

* Луи Фредерик. Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи. М.: Молодая гвардия. Палимпсет, 2007. 311 с. + 32 ил.

принадлежащие к одной рабочей группе и ставящие общие интересы выше семейных, как они понимаются нами. Это одна из важнейших характеристик японского общества, в котором чувство принадлежности к социальной группе по работе сильнее, чем принадлежность к «семье». Только женщины, не так активно участвовавшие в общественной жизни, имели несколько отличное представление о семье, основанное больше на отношениях между родителями и детьми, чем на отношениях мужа и жены» (с. 118).

Приведённых цитат вполне достаточно, чтобы понять, что Луи Фредерик в корне меняет сложившееся представление о семейных отношениях, существовавших в Японии в конце XIX — начале XX в., претерпевших в дальнейшем значительные метаморфозы, но всё же сохранивших и к началу XXI в. многие фундаментальные черты эпохи Мэйдзи. В этом отношении привлекает внимание трактовка автором отношений в рамках системы родители — дети (по-японски *ояката* — *коката*). Автор пишет: «До сих пор в современном японском обществе заметен след подобных семей: часто к главе предприятия его подчинённые относятся как к *ояката*, а он, в свою очередь, принимает их как *коката*, то есть своего рода усыновлённых детей» (С. 119).

Но, самое главное, отношения *ояката* — *коката* имели продолжение и в политической сфере. В связи с этим Луи Фредерик делает очень тонкое обобщение: «Практически полная зависимость членов группы друг от друга и от *ояката* сильно исказили игру в демократию в эпоху Мэйдзи. Каждый *коката* голосовал лишь по прямым указаниям тех, от кого он зависел. Поэтому могли формироваться большие избирательные группы, что позволяло кандидатам (*ояката* или *обэя*) знать заранее с большой точностью число голосов, поданных за них. Отношения «*ояката* — *коката*» до сих пор мешают развитию демократии» (с. 120). Как в своё время восклицал великий русский поэт А. С. Пушкин: «Умри, Денис, лучше не скажешь!»

Очень много нового автором монографии написано также в разделе «Свадьба». На с. 161 французский исследователь проводит очень интересную мысль о том, что на Западе (можно добавить и в России) сложилось неправильное представление о положении женщин в Японии.

В рецензируемой монографии разбросано также очень много важных положений, тонких наблюдений, многообещающих тезисов, касающихся общественной жизни Японии второй половины XIX — начала XX в. Одно только их перечисление заняло бы слишком много места.

Попробуем подойти к рецензируемой монографии с других позиций, а именно выводов, к которым подводит богатейший материал. Во-первых, косвенное свидетельство (в частности, на с. 65) того, что национальное самосознание сложилось в Японии слишком поздно. А из этого, в свою очередь, следует вывод, что и нация в Японии сформировалась очень поздно, только во второй половине XIX в. после «открытия страны» Япония превратилась в нацию. Во-вторых, монография меняет многие представления, сложившиеся в сознании не только среднестатистических россиян, интересующихся Японией, но и профессиональных японоведов, являющихся специалистами в области этнографии, этнологии и даже социально-политической истории Страны восходящего солнца. И, наконец, в-третьих, автор монографии в значительной степени сумел снять с имиджа Японии густой слой экзотического макияжа, созданного заботливыми руками японоведов (в том числе и отечественных) не только японофилов, но, как это ни парадоксально, и японофобов.

В. В. СОВАСТЕЕВ, доктор исторических наук